

**СПЕЦИФИКА НАРРАТИВИЗАЦИИ ОПЫТА В СОВРЕМЕННОМ ЖАНРЕ
(НА ПРИМЕРЕ АВТОФИКЦИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ)**

Мировая теория литературы уже имеет основательный каталог конститутивных признаков автофикшна как жанра и нарративной формы (гибридность повествовательных стратегий, совмещение факта и вымысла и т. д.). Однако этот каталог до сих пор не исчерпывает всю суть явления. В данных тезисах предлагается новый ракурс спецификации автофикшна в современном литературном процессе и культурном пространстве.

Ключевые слова: автофикшн, нарративизация опыта, нарратология, Д. Данилов, интерсубъективация.

V.V. Romashova, Samara University

**SPECIFICITY OF NARRATIVIZATION OF EXPERIENCE
IN THE CONTEMPORARY GENRE (ON THE EXAMPLE
OF AUTOFICTIONAL PROSE)**

Global literary theory already has a thorough catalog of constitutive features of autofiction as a genre and narrative form (hybrid narrative strategies, combining fact and fiction, etc.). However, this catalog still does not fully capture the essence of the phenomenon. These theses propose a new perspective on the specification of autofiction in the contemporary literary process and cultural space.

Keywords: autofiction, narrativization of experience, narratology, D. Danilov, intersubjectivation.

Репрезентация реального опыта в литературе – актуальная проблема как для традиционной поэтики, так и для философии литературоведения в целом. Несмотря на аксиоматическую мысль о том, что всякое реальное событие, будучи изъятым из контекста реальности, приобретает в литературном произведении квазиисторический статус, дилемма, которая возникает при интеграции фактического опыта в художественное повествование, окончательно не разрешается. Это несоответствие проявляется во многих жанрах, принципиально совмещающих факт и фикцию: в литературном дневнике, в биографии, автобиографии и, нако-

нец, в автофикшне. В рамках последнего опыт реального субъекта (автора) играет формо- и смыслообразующую роль.

В XX в. осмысление нарративных оснований опыта происходит, в первую очередь, через актуализацию нарратива как одного из центральных понятий нового типа культуры. Так, Й. Брокмейер и Р. Харре, объясняя причины формирования новой «нарративной» парадигмы мышления, указывают, что повествования повсеместны и «прозрачны», поскольку нарративные структуры с архаичных времён организуют опыт и знания людей. Это приводит к тому, что даже научные теории и концепции, объясняющие явления физического мира, оформляются как нарративы. Брокмейер и Харре прослеживают этот процесс в формировании многих экологических нарративов: «детальное изучение большого числа научных текстов, посвященных экологической проблематике, позволило обнаружить нарративные структуры, более похожие на структуры воспитательного романа, нежели на логически безупречное изложение гипотетико-дедуктивной мысли» [1, с. 31]. Другими примерами служат концепции, использующие нарратив как инструмент: к примеру, Дж. Брунер в рамках психологии интерпретировал нарратив в качестве конструкта, благодаря которому совершаются процессы самопознания и самополагания человека [2, с. 156–157]; А. Данто в рамках мысленного эксперимента сопоставляет историю как науку и Идеальную хронику («резервуар», в котором независимо от содержания фиксируются абсолютно все события прошлого [3, с. 142–144]) и приходит к выводу, что история неизбежно «нарративизирует» события, неизбежно объясняет и обосновывает их каузальность относительно прошлого, формируя тем самым протяжённое сюжетное высказывание.

Иначе говоря, нарративная обработка опыта и знаний наблюдается не только в эстетике, но именно в литературном произведении этот процесс реализуется достаточно эксплицитно. Подход современной нарратологии позволяет обнаружить в данном явлении реализацию онтологических и антропологических потребностей субъекта письма.

Событийность нарратива не есть чисто композиционно-речевое выражение фабулы, это именно «со-бытийность» – взаимодействие конкретного субъекта с бытием, наделение события ценностным содержанием и интенциональностью. Мы рассказываем что-то, потому что это важно для нас и потенциально важно для воспринимающего нас другого: «событием является факт, обладающий собственным значением в меру того, насколько и в какую сторону он отличается от всех прочих, не реализовавшихся в данный момент возможностей. В силу своей смыслообразности событие, так сказать, внутренне (имманентно) адресовано некоторой потенциально возможной ментальности» [4, с. 18]. Другими словами,

нарративное событие – это не просто факт диегетического мира. Оно обладает онтологическим смыслом, выявляемом через модальность субъекта, обозначившего в своём повествовании необходимости рассказа о нём, и интенциональность всего повествуемого.

Антропологический аспект нарративизации опыта актуализирован в труде П. Рикёра «Время и рассказ» (1985). Рикёр предполагает, что «между деятельностью по рассказыванию истории и временным характером человеческого опыта существует корреляция, которая не является чисто случайной, а представляет собой форму транскультурной необходимости: *«время становится человеческим времени в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а рассказ обретает своё полное значение, когда он становится условием временного существования»* [5, с. 65]. Рикёр выявляет этапы нарративизации опыта посредством теории «тройственного мимесиса», где каждому из уровней мимесиса соответствует своя темпоральная характеристика трансформации опыта. Итогом деятельности по конфигурации опыта выступает не только художественное произведение, но и любое историографическое повествование.

Автофикциональный нарратив – достаточно показательный тип повествования, в котором возможно проследить всё своеобразие процесса нарративизации. В автофикшне факт принципиально не теряет свою референциональную связь с действительностью. Французский писатель Серж Дубровский, предложивший данный термин в предисловии к роману «Сын» (Fils, 1977 г.), подразумевал под этим неологизмом гибридную форму, в которой сплетаются признаки автобиографии и фикционального повествования. Однако в условиях нынешнего литературного процесса определение Дубровского нуждается в дополнении. Специфика нарративизации опыта может быть той недостающей характеристикой, которая раскроет истинную сущность автофикционального нарратива.

Если сравнивать автофикшн с автобиографией как генетически близким ему жанром, то заметны несовпадения стратегий нарративизации опыта. Автобиографический субъект эксплицитен, его присутствие и личность открыто маркированы, даже если персонаж ономастически не совпадает с биографическим автором (трилогия Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»). Под нарративизацию здесь попадают такие события, которые возможно верифицировать в фактической биографии автора («Былое и думы» А.И. Герцена; «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина; «Другие берега» В.В. Набокова и т. д.) Иными словами, автобиографическая нарративизация – это *субъективация опыта*, предполагающая строгое закрепление событийного ряда за субъектом, позиционирование его как личного и уникального. Автофикшн при регистрации опыта лишает его чётких

временных и личностных координат – происходит *интерсубъективация опыта*. Так, в романах Д. Данилова «Описание города» (2012) и «Есть вещи поважнее футбола» (2016) центральным становится процесс «феноменологического» исследования городского пространства и увлечения спортивным клубом, при этом субъекты высказываний намеренно избегают предельной конкретизации как объектов своего эстетического познания, так и собственной характеристики. Безымянность и безличность повествующих инстанций делает нарративизацию их опыта повсеместной и общедоступной, присущей любому потенциальному сознанию.

Любопытно, что в контексте современной культуры схожие принципы интерсубъективации опыта прослеживаются в интернет-повествованиях, в которых временная дистанция диалога предельно сокращена. Стратегии организации текста, в которых нарративизация опыта подана как нечто всеобщее, можно увидеть во многих текстовых блогах (ЖЖ, Tumblr, Дзен). Отчасти это может объяснить повальный интерес к автофикшну как модели конструирования художественного высказывания, а также организацию всевозможных тренингов по написанию текстов в подобном жанре, проникновению практики *storytelling* в маркетинг, PR и пр.

Список литературы:

1. Брокмейр Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Bruner J. A narrative model of self-construction // Psyke & Logos. 1996. P. 154–170.
3. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
4. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.
5. Рикёр П. Время и рассказ: Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.